

Цинь Унянь принёс Сун Чэну новый телефон и вдобавок бесплатно подарил сим-карту. Столь редкостная доброта с первого же взгляда выдавала человека с недобрыми намерениями.

Однако Сун Чэн потерял память, а потому не ведал о коварстве человеческих сердец. Он вынул из пластиковой основы сим-карту, принялся вставлять её в телефон и между делом поинтересовался у Цинь Уняня:

— Откуда у тебя вообще столько сим-карт?

Цинь Унянь ответил с абсолютно невозмутимым видом:

— Мои второстепенные аккаунты вечно блокируют, поэтому я накопил целую кучу сим-карт про запас.

Сун Чэн: «.....»

Брат, насколько же сильно ты любишь срать в интернете?..

Разобравшись с телефоном, Сун Чэн по указанию наставника Циня тут же совершил пробный звонок, после чего Цинь Унянь поднялся и собрался уходить. Уже на пороге он бросил:

— Твоя травма не требует повторного осмотра в больнице?

Сун Чэн покачал головой:

— Нет. Я ведь пролежал в больнице несколько дней, все необходимые обследования уже провели. Всё это выглядит пугающе, но на самом деле ничего страшного.

Выходит, он пролежал в больнице уже несколько дней.

И пришёл к нему только после выписки. Интересно, кто же находился рядом с ним всё то время, пока он был в больнице?

Тот самый человек, которого он любил прежде? Или кто-то из новых знакомых, обрётённых за последние годы?

Цинь Унянь молча удалился. Сун Чэн принялся разбирать свои вещи, а когда повернулся, в комнате уже никого не было.

Сун Чэн наводил порядок на первом этаже, в то время как Цинь Унянь сидел в звукозаписывающей студии в подвале.

Оглядев пустую комнату за спиной, Сун Чэн снова на мгновение замер.

Надо попытаться ещё раз, попробовать сойтись ближе. Если дневник не врёт и его собственное

чутье тоже не подводит, со временем их отношения наладятся.

Однако на душе у него не было ни капли покоя. Словно сорная трава, там разрастались всё новые и новые сомнения, и как бы отчаянно он ни пытался вырвать их с корнем, толку не было.

Порой ему приходилось исполнять чужие песни, но его вокальные данные были самыми заурядными — тягаться с профессионалами он не мог, а потому решил по возможности тренироваться дома. Для этого предназначалась небольшая комната площадью всего в шесть квадратных метров, отделанная звукоизоляционными материалами. В ней не было окон, и, чтобы хоть что-то разглядеть, приходилось включать свет.

Присев на кровать, он немного посидел в задумчивости. Стоило ему коснуться мягких новых простыней, как на душе у него немного отлегло.

Прижав к груди свой единственный комплект сменной одежды, Сун Чэн чувствовал, как тоска в его сердце нарастает.

Он сидел неподвижно, словно мраморная статуя, в то время как лежавший под рукой телефон вибрировал с силой моторчика.

Сун Чэн и сам толком не понимал: с одной стороны, ему казалось, что он занимается самообманом, с другой — собственные мысли казались ему вполне разумными. В расколотом надвое сознании билась лишь одна-единственная, но до жути отчётливая мысль.

Затем он аккуратно подогнул краешек и накрыл живот Сун Чэня.

Прекрасно, в мире наконец-то воцарился покой.

Родители, его братец, друзья-вредители, старые знакомые и совсем чужие люди — все наперебой допытывались у него, что происходит между ним и Цинь Унянем. Послушав этот гадёж ещё немного, Цинь Унянь внезапно забрал телефон и зажал кнопку питания, полностью отключив его.

Сун Чэн понимал, что всё пройдет не так гладко, как ему мечталось, но столкнувшись с таким отношением в реальности, всё равно почувствовал укол обиды.

На словах он говорил, что пробудет здесь всего пару дней, но на самом деле намеревался обосноваться всерьёз и надолго. А раз эта комната переставала быть временным приютом, её следовало как следует обустроить.

Он просидел так до трёх часов дня, пока урчание в желудке не подсказало ему, что прошло уже немало времени. Поднявшись наверх, он собрался спросить, чего бы Сун Чэню хотелось на обед. Толкнув дверь, он увидел, что тот уже лежит на кровати. Сун Чэн спал крепким сном,

приоткрыв рот. Постояв немного, Цинь Унянь шагнул в комнату и достал из шкафа летнее тонкое одеяло.

А это значило лишь одно: он не хотел сдаваться так просто.

Эту студию звукозаписи, на которую он угрожал уйму денег, он использовал примерно так же, как люди покупают домашние беговые дорожки — для реальных репетиций и записи он не воспользовался ею ни разу, зато стоило ему занервничать или расстроиться, как его неудержимо тянуло уединиться здесь.

Ему приходилось мириться с суровой реальностью: стоило в уравнение добавиться Сун Чэню, как он мгновенно терял весь свой гонор. Так было четыре года назад, так обстояли дела и сегодня.

Цинь Унянь принёс ему новые простыни и сам застелил постель. И хотя во время этого занятия на его лице застыло выражение крайнего раздражения, действовал он на удивление аккуратно: тщательно заправил каждый уголок, разгладил все складки и неровности. Разве не означало это, что напускная холодность Цинь Уняня — лишь броня, скрывающая мягкое сердце? Отношение к нему было точь-в-точь как к этой постели: на словах он злится, но в глубине души искренне хочет о нём позаботиться.

Он отчётливо чувствовал исходящие от Цинь Уняня отчуждение, неприязнь и неизменную резкость. Всё это кардинально расходилось с тем, что было записано в его дневнике. В записях прежний он не позволял себе говорить с ним в таком тоне, а тем более — бросать одного и исчезать без предупреждения.

В груди вновь забрезчила надежда, и Сун Чэн мгновенно воспрянул духом. Поднявшись на ноги, он оглядел комнату решительным взглядом.

Созерцание собственных трудов наконец принесло Цинь Уняню некоторое удовлетворение. Обернувшись и собираясь уже выйти, он вдруг вспомнил нечто странное и резко крутанул головой обратно.

Цинь Унянь вытаращил глаза.

Куда подевались ваза и книги с прикроватной тумбочки? Где плед с дивана? Куда исчезли пресс-папье, подставка для кистей и чайный поднос с массива дерева? А птица из цветного стекла и коралловая ветвь с комода?!

Если бы не доносящийся с кровати богатырский храп Сун Чэня, он бы всерьёз заподозрил, что его обнесли подчистую!

Сделав пару широких шагов, Цинь Унянь постарался ступать как можно тише, чтобы не

разбудить Сун Чэня. Выдвинув ящик, он с удивлением обнаружил, что Сун Чэн аккуратно сложил все эти вещи туда.

На его лице застыло поистине неопишное выражение.

Попрятать все нормальные украшения, оставив столешницы абсолютно пустыми — что это за новая причуда такая? Даже у заядлых педантов не бывает подобных заскоков.

Ничего не поняв, Цинь Унянь в полном недоумении покинул комнату.

Из-за не до конца зажившей травмы Сун Чэн в последние дни постоянно чувствовал сонливость. Проспав до пяти часов вечера, он проснулся и обнаружил, что Цинь Унянь уже ушёл, оставив ему еду и записку с инструкцией разогреть всё в микроволновке.

Сун Чэн долго и задумчиво смотрел на микроволновку, затем засунул внутрь контейнеры с едой и выставил на панели таймер ровно на десять минут.

Наверное, так и надо?

С замиранием сердца наблюдая, как крутится тарелка внутри, Сун Чэн дождался окончания процесса. Достав еду и ощутив идущий от неё густой пар, он решил, что справился идеально. Но стоило ему попробовать блюдо, как выяснилось, что рис превратился в сплошную подгорелую корку.

Лицо Сун Чэня слегка порозовело. Молча достав новый телефон, он полез в поисковик и с удивлением узнал, что для разогрева еды в микроволновке хватает всего одной минуты, а десять — это катастрофически много.

Ещё недавно он думал, что развод сделал его сказочно богатым, но теперь в этом закрались серьёзные сомнения.

Человек, который в жизни не подходил к микроволновке, вряд ли мог похвастаться большими деньгами.

Мрачно и методично доедая перегретую еду ложка за ложкой, Сун Чэн решил, что амнезию пока лучше держать в тайне от Цинь Уняня.

По крайней мере, до тех пор, пока он не убедится, есть ли у них общее будущее. Иначе он боялся, что Цинь Унянь сочтёт его обузой и попросту выставит вон.

Была и ещё одна причина: потерявший память Сун Чэн должен был держать ухо востро. Он ничего не помнил, а все сведения об окружающих черпал либо из интернета, либо со слов

других людей. Он опасался, что если расскажет Цинь Уняню о провалах в памяти, тот может напелсти с три короба, вынудив его отступить.

В конце концов, Цинь Унянь изменился, и судить о нём по записям из дневника больше не стоило.

Рассудив так, Сун Чэн ускорил темп и в два счёта умял порцию, рассчитанную на двоих. Еще в больнице медсёстры подмечали отменный аппетит Сун Чэня, искренне недоумевая, куда девается вся эта еда при его хрупкой конституции.

Покончив с ужином, Сун Чэн споро перемыл посуду, расставил всё по местам и, развернувшись, продолжил генеральную уборку на кухне.

Самое забавное, что он не находил во всём этом ничего странного — убирался он с огромным удовольствием и поистине профессиональной сноровкой.

Тем временем Цинь Унянь под прикрытием своего помощника проник в здание компании. Сумев-таки ускользнуть от назойливых папарацци, он поднялся в кабинет генерального директора.

Генеральным директором этой компании была жена давнего знакомого отца Цинь Уняня. Именно благодаря этому знакомству выходки музыканта сходили ему с рук. Цинь Унянь славился своим острым языком, но неблагодарной тварью не был и отлично помнил, кто к нему хорошо относится.

Остановившись перед женщиной, которой едва перевалило за пятьдесят, он поприветствовал её:

— Тётя Мэн.

Мэн Шиюэ кивнула ему:

— Садись.

И продолжила:

— Менеджер Чжоу Цингэ связывался со мной. Они хотят выпустить совместное заявление: мол, инцидент с тем видео — не более чем случайность. Она делает шаг назад и больше не обвиняет тебя, но и ты делаешь шаг назад и закрываешь эту тему.

Цинь Унянь фыркнул:

— Ой, пусть подохнет.

Мэн Шиюэ: «.....»

Заранее зная, какой будет реакция, она лишь тяжело вздохнула:

— Я уже отклонила их предложение. Перед твоим приходом мы с Бан Юньфан всё обсудили. Даже если ты воспользуешься тем пареньком по фамилии Сун, чтобы доказать, что вы с Чжоу Цингэ никогда не встречались, она всё равно продолжит строить из себя жертву. В конце концов, ты действительно её толкнул.

Цинь Унянь:

— Да уж, карма меня уже настигла, так что теперь моя очередь преподать урок Чжоу Цингэ. Исключительно ради её же блага.

Мэн Шиюэ не стала выражать согласие или несогласие, а лишь задала вопрос:

— У тебя есть доказательства?

Помолчав пару секунд, Цинь Унянь ответил:

— Нет.

— Но я их найду. Видео снимал кто-то из её людей. Это коридор отеля, там должны быть камеры наблюдения. Если нет камер, найдутся свидетели. Она сама преградила мне путь и требовала поговорить по душам. У меня в тот день было скверное настроение, я раз десять просил её уйти, но она не слушалась, вот я её и оттолкнул. Да, толкнул довольно сильно, но не настолько, чтобы она влетела в стену. Она сделала это специально.

Бан Юньфан неожиданно вмешалась в разговор:

— Ты уверен?

Цинь Унянь:

— Абсолютно. Я помню каждую деталь того дня.

В конце концов, в тот день его бросили. О нет, если выражаться точнее, он с треском провалился со своим признанием в любви.

Чушь собачья! Его просто бросили! И ему плевать, что там себе надумал Сун Чэн, для него самого это были самые настоящие отношения. У них было практически всё, не хватало лишь официального статуса. А согласно международным конвенциям, после разрыва таких отношений единственно верным определением было одно: его бросили.

Бан Юньфан и Мэн Шиюэ синхронно посмотрели на искажившееся от злости лицо Цинь Уняня

и переглянулись со скрытым изумлением.

Надо же, как сильно Чжоу Цингэ довела парня. Поглядите-ка, от бывшего образа высокомерного молодого господина не осталось и следа — вылитый лесной разбойник.

Мэн Шиюэ постучала пальцами по столу:

— Ладно, тогда решим так: ты больше в это дело не лезишься. Вечером Сяо Чжао опубликует с твоего вейбо заявление, где чётко разъяснит твои отношения с Сун Чэнем. Поиском доказательств займусь я, а пока я не добыла неопровержимых улик, Бан Юньфан сделает всё возможное, чтобы сместить акценты и вытравить из голов общественности саму мысль о твоей связи с Чжоу Цингэ. В идеале — сделать так, чтобы при упоминании твоего имени людям и в голову не приходило вспоминать Чжоу Цингэ.

Не ожидав, что компания проявит такую заботу, Цинь Унянь даже немного подобрал свою вальяжно раскинутую по креслу туловище и отозвался:

— Ладно, я полностью в вашем распоряжении. И что именно вы планируете делать?

Бан Юньфан только этого и ждала. Достав заранее подготовленный контракт, она протянула его музыканту. По привычке собираясь тут же поставить подпись, Цинь Унянь замер: Бан Юньфан выложила перед ним не один документ, а два, причём на втором красовалось имя Сун Чэня.

Ошеломлённо моргнув, Цинь Унянь внимательно вчитался в заголовок. Спустя три гробовые тишины кабинета раздался оглушительный вопль:

— Вы что, хотите отправить нас с Сун Чэнем на шоу развода?!

<http://bllate.org/book/22052/2293149>